
**ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКО-АФРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА
«АФРИКАНСКИЙ СТУДЕНТ В КИТАЕ» (1))**

А.В. Минеева

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена рассмотрению воспоминаний «Африканского студента в Китае» как источника по изучению китайско-африканского сотрудничества в области образования в первой половине 1960-х гг. Дается обзор основных вопросов, затронутых автором воспоминаний: организация системы китайского высшего образования, уровень жизни студентов (как иностранцев, так и китайцев), взаимное восприятие китайцев и африканцев, личные впечатления иностранцев от последствий политики «Большого скачка». Также приводятся статистические данные о количестве студентов в КНР из африканских стран. На основе этого делается вывод о готовности сторон к сотрудничеству в указанной сфере в начале 1960-х гг.

Ключевые слова: сотрудничество КНР и стран Африки в области образования, Эм. Дж. Хеви, Гана, Пекинский университет, маоизм, система образования КНР, студенты-иностранцы в Китае.

В статье мы обратимся к свидетельствам одного из непосредственных участников сотрудничества КНР и стран Африки в сфере образования – студента из Ганы Эм. Дж. Хеви (2), стипендиата на обучение медицине в Пекинском университете в 1960–1962 гг.

Годы его пребывания в Пекине относятся к первому этапу в развитии китайско-африканских отношений, начавшихся в 1955 г. (Бандунгская конференция (3)). Опираясь на ряд исследований (4), отметим примерные хронологические рамки этапов развития этих отношений.

Первый этап: с 1955 г. до начала 1960-х гг. – ухудшение отношений КНР и СССР поставили Пекин в позицию международной изоляции. Для ее преодоления Китай и направил большую часть своих усилий на установление союзнических отношений со странами африканского континента.

Второй этап: середина 1960-х – середина 1970-х гг. – между странами континента и КНР установились отношения, подчиненные исключительно интересам идеологии и политики (Китай отдает предпочтение поддержке отношений со странами социалистической ориентации).

Третий этап: середина 1970-х – конец 1980-х гг. – проведение политики реформ и открытости переориентировало внимание КНР на собственное

внутреннее развитие, что сказалось и на внешней политике страны. Определяющим ее принципом в этот период, в том числе и по отношению к африканским странам, стал поиск взаимной выгоды и осуществление интересов экономики.

Четвертый этап: начало 1990-х гг. по наше время – происходит окончательная переориентация отношений на приоритет экономических интересов.

В работе специалиста по международным отношениям и внешней политике африканских стран Т.Л. Дейч, посвященной оценке негативной роли политики маоизма на африканском континенте (5), дана развернутая характеристика политики Пекина в первый период развития китайско-африканских отношений. Автор указал на борьбу за создание прокитайского замкнутого блока государств (параллельно с этим КНР вел и борьбу за обоснование верности маоизма в условиях раскола отношений с СССР); на необходимость укрепления международного престижа КНР, как через ООН (освобожденные от колониальной зависимости африканские страны составляли 1/3 от состава данной организации), так и через давление на страны – бывшие метрополии за счет их вытеснения с территории африканского континента (6). Немаловажным фактором в политике Пекина в тот период считается потребность КНР в поиске новых партнеров после осложнений в отношениях с СССР (7).

Нельзя забывать и о стержневой основе китайско-африканских отношений на любом их этапе и в различных областях взаимодействия – заверениях КНР о том, что она безвозмездно боролась за африканские интересы (8).

Официальная характеристика первого этапа китайско-африканских отношений в процессе своего развития была сформулирована по итогам визита в ряд африканских стран премьер-министра КНР Чжоу Эньлая в декабре 1963 г. – феврале 1964 г. и зафиксирована в так называемых пяти принципах построения отношений между КНР, странами Африки и арабскими странами, суть которых заключается в следующем:

- поддержка борьбы народов африканских и арабских стран против империализма, колониализма и неоколониализма, за сохранение национальной независимости;

- поддержка правительств африканских и арабских стран в осуществлении ими политики мира и неприсоединения;

- поддержка стремления народов африканских и арабских стран к единству и солидарности, осуществляемых самостоятельно wybranными ими способами;

- поддержка урегулирования конфликтов между странами путем мирных переговоров;

- призыв к уважению суверенитета африканских и арабских стран остальными государствами и противостояние вмешательству во внутренние дела африканских и арабских государств (9).

Сотрудничество в области образования было одним из проводников данной политики Пекина в отношении африканских стран. Китайские ис-

следователи предложили отдельную периодизацию китайско-африканских отношений в сфере науки и образования (10). Она состоит из следующих четырех этапов.

Первый этап: 1950-е – начало 1980-х гг. – был отмечен взаимным обменом делегациями, студентами. Официальная точка зрения оценивает этот период, на который приходится и Культурная революция (1966–1976 гг.), как полностью позитивный.

Второй этап: 1980-е гг. – сотрудничество характеризовалось усилением межинститутского сотрудничества двух сторон.

Третий этап: 1990-е гг. – были отмечены изменением ориентиров сотрудничества в области образования: теперь оно напрямую стало направлено на обеспечение интересов двух сторон в других областях взаимодействия (прежде всего в области хозяйства) и носило вспомогательный характер.

Четвертый этап: идет с 2000-х гг. и продолжает тенденции 1990-х гг., однако пока рано говорить о его результатах (11).

Наиболее спорным и противоречивым является первый этап сотрудничества КНР и стран Африки в области образования, на что указывают свидетельства очевидцев событий, например упомянутый ранее дневник «Африканского студента в Китае» (12), к которому мы и обратимся. Эти воспоминания вопреки ожиданиям затронули не только вопросы взаимного восприятия африканцев и китайцев и передают впечатления африканского студента от учебы в Китае. Наоборот, большее внимание в них уделено политическим вопросам, в частности, обоснованию возможного негативного влияния маоизма, а шире – марксизма при вероятном использовании этих идеологий в государственном строительстве молодых независимых африканских стран.

Данное издание оценивают как источник увлекательного чтения о причинах того, почему молодые образованные африканцы отвергали коммунистические идеи, предлагаемые как КНР, так и СССР (13). Однако осязательный антикоммунистический настрой автора воспоминаний (14) и вытекающая из этого идеологизированность самого издания не умаляет его уникальности.

«Увлекательным» делает чтение этого источника изложение бытовых подробностей жизни китайцев из разных слоев общества, с которыми Э.Дж. Хеви приходилось сталкиваться, студентов-иностранцев в Китае в указанный отрезок времени, сведений об организации их обучения, проживания, питания, материального содержания, а также заметок об их эмоциональном и душевном состоянии. Дневник африканца в историографии оценивается и как свидетельство «заражения китайско-африканских отношений вирусом расизма» (15). Кроме того, эти воспоминания представляют собой прекрасный иллюстративный материал для изучения последствий политики «большого скачка» (1958–1960 гг.) (16).

По характеру жизнь «Африканского студента в Китае» написана как критика в адрес китайских и африканских национальных лидеров, которые заверяют простых африканцев в прогрессивности идей маоизма. Повество-

вание представляет собой сборник случаев из жизни китайцев и африканских студентов среди них, в котором поднимаются следующие проблемы:

- 1) уровень качества образования и жизни в стране, претендующей на роль образца для африканских стран;
- 2)) последствия «большого скачка», видимые в повседневной жизни;
- 3) готовность КНР и китайского народа к принятию африканцев (освещение проблемы расизма).

Книга передает сугубо личностную оценку этих проблем и тех событий, с которыми Э.Дж. Хеви пришлось столкнуться во время учебы в Пекине, но автор рассчитывает на внимание к его взглядам рядовых африканцев. Для этого адресата он изначально позиционировал мемуары не как «заметки путешественника», а как способ поделиться с соотечественниками впечатлениями от процесса построения коммунизма в КНР и выразить свои доводы против применения данного пути развития в Африке в целом и в Гане, в частности (17).

Структурно история «Африканского студента в Китае» разделена на две части: в первой части Э.Дж. Хеви делится общими впечатлениями от жизни в Китае; вторая часть посвящена непосредственно его личному опыту пребывания на территории «социалистической мечты».

Поддержка африканских стран в области образования была объявлена краеугольным камнем содействия КНР в развитии молодых государств. На примере сведений только одного неофициального источника мы попробуем выявить, во-первых, уровень готовности китайской стороны в начале 1960-х гг. к организации процесса обучения, адекватного требованиям африканской стороны, в том числе возможности поддержания образа жизни, привычного для африканских студентов или ожидаемого ими; во-вторых, пределы адаптивных возможностей самих африканцев для приспособления к жизни в неизвестном и незнакомом им Китае.

По воспоминаниям Э.Дж. Хеви можно с полной уверенностью констатировать, что китайская сторона к началу 60-х гг. XX в. не была готова ни к предоставлению африканцам образования ожидаемого уровня и качества, ни к созданию благоприятных для проживания и учебы условий (18).

Африканский студент в своих воспоминаниях дал исключительно негативную оценку качеству китайского высшего образования по нескольким аспектам, среди которых и профессионализм китайских специалистов и преподавателей (19).

Как студент медицинского отделения он оценил не только содержание занятий, но и уровень оказания медицинской помощи в Китае. Его свидетельства об уровне лечебного дела в КНР в тот период времени негативные и даже пугающие. Хеви пишет, что за исключением врачей, получивших богатый опыт у коллег из Японии, США, Франции и других стран в прежние времена, врачи коммунистического Китая предлагали универсальное лекарство от всех болезней – аспирин (20).

Нельзя утверждать, что такая универсальность в лечении была вызвана низким уровнем профессионализма китайских врачей: это следует скорее отнести к проблеме снабжения китайских медицинских учреждений и общем уровне этой сферы социальной жизни. Однако есть и другие факты, которые показали либо пугающе низкий уровень знаний о процессах в организме человека у китайских докторов, либо еще более ужасающий культурный уровень медицинских работников. Хеви настаивал на последнем варианте, когда китайский доктор спросил у него, почему цвет кожи африканца не меняется, даже если он регулярно моется (21).

Кроме низкого качества китайского образования в области медицины, африканский студент считает общим для всех специальностей негативным явлением прагматическую ориентацию китайского высшего образования (22). Например, он констатировал, что учиться в КНР таким специальностям, как экономика, антропология, социология не следует, потому что, во-первых, их преподавание было в высшей степени идеологизировано, а, во-вторых, потому что данным научным специализациям в Китае не уделялось внимания из-за непригодности их применения на фронтах индустриализации или решения продовольственного вопроса (23).

Негативным в китайском высшем образовании Э.Дж. Хеви считал отказ от ученых степеней в угоду идеалам социального равенства. Практически это было невыгодно из-за невозможности непрерывного образовательного процесса между китайскими высшими учебными заведениями и университетами мира. Фактически же это привело к отсутствию какой-либо ценности получаемого студентом в Китае свидетельства об образовании за пределами этой страны. По предположениям африканца, его могли не принять на работу ни в одну африканскую поликлинику (24).

Проблемой не только высшего, но и всех ступеней китайского образования Э.Дж. Хеви назвал чрезмерную его заидеологизированность. По «Проекту временного руководства о функционировании высшей школы в КНР» на преподавание основ марксизма–ленинизма отводилось чуть более 10% всего аудиторного времени (25), что, на наш взгляд, не так много. Еще 20% аудиторного времени закон оставил для преподавания гуманитарных дисциплин (26), которое, очевидно, также было предназначено для идеологического компонента. По качеству же высшее образование должно было, согласно данному «Проекту», быть «одинаково красным и профессиональным» (27).

Одинаковым на обоих уровнях оно вряд ли могло быть, так как будущий китайский студент уже в 2–3 года учил в детском саду песни революционного содержания (28). В университете, по впечатлениям Хеви, большее внимание уделялось постижению работ Маркса, Энгельса, Ленина и Мао, нежели дисциплинам по специальности (29). Африканец в воспоминаниях привел «неофициальный» рассказ одного из своих китайских знакомых, который объяснил повышенное внимание студентов к дисциплинам «идеологического фронта» по сравнению с занятиями по специальности. Якобы ког-

да коммунистический режим в Китае только устанавливался, у студентов, ответственных за политическую благонадежность их одноклассников, попросту не хватало времени на основную учебу, что отражалось и на результатах экзаменов. Из двух возможных вариантов: хороший, но недостаточно благонадежный для партии специалист или надежный партиец, неважно какого уровня профессионал своего дела, – система высшего образования в Китае выбрала последний (30).

Общественный строй, на созидание которого была направлена данная система образования, закономерно, получает у Хеви также резко негативную оценку. Не следует думать, что эти обвинения зиждутся на пустом месте: он основательно доказывает, почему, по его мнению, данный строй неприемлем для Африки, сославшись прежде всего на особенности менталитета (по таким критериям, как различия в статусе мужчины и женщины в китайском и африканском обществе; представления об индивидуальности; требования к уровню жизни и порядку ее организации).

Африканский студент, по мнению Хеви, не готов мириться с нивелировкой проявлений индивидуальности, которую он увидел в Китае. Примеры, приведенные им, касались прежде всего внешнего облика китайских мужчин и женщин, облаченных в одинаковую по крою и цвету (синюю) униформу. Больше всего его возмутил вид китайской женщины, образ которой стал лишь «безвкусной копией мужского образа». С ужасом он представлял, что, если коммунизм утвердится на его родине, африканские женщины откажутся от украшений и яркой цветовой гаммы в одежде. Потребность в яркости превратилась бы лишь в ностальгию по прошлому (31).

Чрезмерная регламентация внешнего вида, порядка поведения, по мнению Хеви, может нанести гораздо больший вред, чем просто отказ от того, что африканцам кажется красотой. Для молодых независимых стран это вопрос государственной важности, так как регламентация может привести к стиранию только нарождающейся африканской национальной индивидуальности, что, конечно, намного страшнее забвения бижутерии (32).

Африканский студент, познакомившийся с порядком в коммунистическом Китае, указал, что это вовсе не тот коммунизм и образ светлого будущего, которого ждут на его континенте. Африканцы подразумевали под коммунизмом прежде всего общество, где все будет бесплатно: «бесплатная еда, бесплатное жилье, почти все бесплатное...» (33). В Китае он увидел, что такая «бесплатность» обернулась призрачным равенством, по которому снабжение населения продовольственными и иными видами товаров, например, одеждой, осуществлялось в зависимости от социального статуса и места человека в партийной иерархии. Хеви привел удивительный факт: даже привыкший к разнообразным жизненным тяготам студент-китаец был возмущен существованием ежемесячной квоты в 15 кг мяса для ректора института (34), когда большинство из китайских студентов уже в течение более чем трех лет не видели этого продукта (то же касается и молока, и яиц) (35).

В образе «светлого будущего» африканского студента напугала именно невозможность равного использования жизненных благ и предельной ограниченности в возможности получения этих благ. Написание воспоминаний о пребывании в Китае стало для Э.Дж. Хеви возможностью осмыслить для себя и объяснить простым африканцам, готовым верить в заявления китайских лидеров о прогрессивности пути, которым идет их страна, что прежде всего следует посмотреть на реальную жизнь простых китайцев – она не выглядит результатом прогресса.

Хеви привел довольно яркое сравнение: в их учебниках китайского языка была история о том, как в имперском Китае бедный народ вынужден был собирать дикие травы для своего пропитания. Только революция изменила ситуацию и все стали наедаться досыта. Однако фоном к чтению этого текста был вид из окна – вид собирающих дикие травы китайских детей и взрослых (36).

Для африканца, приехавшего из страны, недавно получившей независимость после долгого периода колониализма, было очень важно, как нам кажется, увидеть, что изменилось в Китае с имперских, повсеместно осуждаемых времен. И он не увидел перемен. Поэтому любые надежды на возможность изменения жизни африканцев к лучшему по китайскому пути, даже если они у него и были, рухнули.

На глазах африканских студентов проходил процесс совсем иной трансформации – изменений в жизни китайцев к худшему. Всего лишь за год с небольшим (с начала 1961 г. до апреля 1962 г.) материальные расходы китайских знакомых Э.Дж. Хеви сократились в два раза с 10 до 5 юаней в месяц, что было следствием не снижения цен, как можно было предположить, а перебоев с продовольствием, – даже рис – базовую составляющую китайского рациона – стало сложно достать (37). Как отметил Хеви, обострение ситуации в сельском хозяйстве стало результатом ошибочной политики партии (38).

Не следует забывать и о ряде бедственных неурожайных годов в КНР в начале 60-х гг. По мнению африканца, к концу 1961 г. нехватка продовольствия стала столь ощутимой, что любой студент-иностранец, которому полагались продовольственные пайки с содержимым, отличным от продовольственного пайка рядового китайского студента, потреблял в 10 раз больше еды, чем его китайский коллега. С точки зрения статистики эти данные нельзя проверить, но можно констатировать, что по качеству питание китайцев было намного хуже того, что мог себе позволить иностранец (39).

Подтверждается это и неоднократными случаями выпрашивания у них еды китайскими студентами. Наиболее распространенной уловкой, особенно в зимнее время года, было давление на жалость иностранцев, которым какой-либо китайский студент сообщал, что он потерял продовольственную карточку на месяц и уже в течение нескольких дней оставался без положенного ему пайка (40).

Но самой страшной угрозой со стороны китайского строя, по мнению Хеви, была необходимость отдать столь долго ожидаемую свободу и неза-

висимость своей страны опять в чужие руки. Получение независимости большинством африканских стран стало радостным событием именно для африканских государств. Но в масштабе международных отношений африканская свобода стала магнитом, притягивающим интересы множества сторон. В советской историографии освобождение африканских стран от колониальной зависимости определялось как новая фаза «борьбы за экономическое и социальное освобождение» (41).

В условиях «холодной войны» различие подходов к тому, что понимать под «свободой Африки», состояло в том, что если для африканца это означало освобождение от колониальной зависимости, то для других сил, вовлеченных в международную борьбу, Африка не могла быть свободной до тех пор, пока не присоединится к соответствующему идеологическому фронту (42). Для КНР «свобода Африки» стала сигналом к борьбе за идеологический плацдарм, за природные ресурсы и за «новые голоса» на международной арене.

Э. Дж. Хеви выделил шесть причин, по которым Китай покидало большинство африканцев, получивших стипендию на обучение (43):

- 1) нежелательная политико-идеологическая обработка;
- 2) сложность китайского языка и уровень его преподавания;
- 3) низкие стандарты обучения по специальности;
- 4) неудовлетворительный уровень организации повседневной жизни;
- 5) враждебность населения;
- 6) партийный надзор (шпионаж или слежка).

Негативное отношение к китайской помощи Африке у Э.Дж. Хеви было вызвано не только разобранными выше фактами, но и впечатлениями от общения с китайцами в повседневной жизни, а также просто желанием жить привычной жизнью и невозможностью сделать это в стране «светлого будущего».

В чем африканские студенты видели минусы в организации их комфортного пребывания в Китае? Как пишет Хеви, их очень беспокоила возможность превращения в «скучных Джека и Джил» (44) из детского стихотворения. Этому очень содействовал уровень развития «сферы развлечений» в Китае. Африканец жаловался, что в Пекине был всего лишь один ночной клуб для иностранных дипломатов и представителей, куда они, студенты, проникали как шпионы: главное было одеться как можно наряднее и сделать вид, что у тебя есть все права на вход в это закрытое заведение (45).

Танцевальные вечера, организованные студенческой аудиторией, не впечатляли африканцев музыкальным сопровождением, которое не менялось на протяжении всего времени их пребывания, и состояло из особенных композиций (например, название одной из них – «Социализм – это хорошо») (46).

Кинофильмы, демонстрировавшиеся студентам, также не отличались по своему настроению и представляли, прежде всего, материал идеологического воспитания, и только потом (если вообще стояла такая цель) атрибут развлечения или насыщения «духовного голода» (47).

Самым приятным времяпрепровождением Э.Дж. Хеви назвал в своей работе прогулки в пекинских парках. Удивительно, что он имел в виду не эстетическое наслаждение при созерцании красивых сооружений, водоемов, цветочных композиций, а возможность только здесь побыть без постоянного надзора «друзей», командированных партией, а также найти новых знакомых (48), большинство из которых были китайскими девушками, и, к сожалению, их подстерегала опасность, так как любое общение с африканцем обращалось для них либо допросом с пристрастием от товарищей по партии (как это было обычно после университетских танцевальных вечеров (49)) либо если китайки и африканцы знакомились без предварительной подготовки, например в парке, ссылкой на работы в сельскую местность (50).

Описанные выше моменты взаимодействия китайцев и африканцев в ходе предоставления КНР содействия молодым африканским странам по воспитанию профессиональных кадров показывают, насколько преждевременно говорить об успешности такой политики КНР в первой половине 60-х гг. XX в. в глазах ее адресатов – студентов из Африки. Для Э.Дж. Хеви положение усугублялось и взаимным неприятием китайцев и африканцев на бытовом уровне. В «дневнике африканца» дан презрительный ответ на мнение одной китайской девушки, что Африка – самый отсталый континент в мире. Э.Дж. Хеви, после изложения условий проживания китайских студентов в их общежитиях, а так же рассказа о неприязнательности гигиенических требований китайцев (51), пишет, что хотя бы на бытовом уровне и в вопросах личной гигиены он обладает большими «цивилизационными навыками» и мог бы научить китайца, но никак не наоборот (52).

Практическую пользу китайского высшего образования автор воспоминаний также оспорил, оценив политику КНР в этой области как рекрутирование агентов коммунизма (53).

На примере рассматриваемых воспоминаний очевидца ожидаемого результативного сотрудничества Африки и КНР в области образования в начале 1960-х гг. видно, что оно привело скорее к взаимному недоверию (54) и даже агрессии (африканским студентам удавалось добиваться осуществления их добровольного отказа от стипендии правительства КНР чаще всего голодовкой (55)).

Этот вывод подтверждают официальные цифры. В период, который описал Э.Дж. Хеви, действительно, уезжало большинство африканских студентов: если в 1960 г. в Китае было 95 учащихся из Африки, то в 1961 г. их количество снизилось до 21, а к 1962 г. (году, когда Хеви в ряду прочих покинул Китай) остался только 1 студент. Данные за 1963 г. отсутствуют. Уместно предположить, что студентов из Африки в тот год в Китае не было, пока не принес свои плоды визит Чжоу Эньлая в ряд африканских стран (1963–1964 гг.).

Положительный баланс восстанавливался медленно, но верно (в 1964 г. в Китае обучалось уже 10 студентов из Африки, в 1965 г. их количество увеличилось до 37), пока в 1966 г. не началась Культурная революция (статистических данных о студентах-африканцах в Китае нет вплоть до 1973 г.) (56).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Hevi E.J.* An African Student in China. Lnd – Dunwow: Pall Mall Press, 1963.
- (2) *Ibid.*
- (3) Ндунгская конференция (18–24 апреля 1955 г.). На ней было представлено шесть делегатов африканского континента (Египет, Ливия, Либерия, Эфиопия, Судан, Золотой берег (Гана)). КНР в работе конференции принимал самое активное участие // http://www.diphis.ru/bandungskaya_konferenciya_stran_azii_i_afrika961.html?PHPSESSID=0464ebcb8de73cfe31635ff733483d29
- (4) *Лю Хунъю, Ло Цзяньбо.* Чжунфэй фачжань хэцзо – лилунь, чжаньлюэ юй чжэнцэ яньциу (Развитие китайско-африканского сотрудничества – исследование теории, стратегии и политики). – Пекин: Чжунго шэхуэйкэсюэ чубаньшэ, 2011. – 435 p.; *Moumouni G.* Domestic Transformations and Change in Sino – African Relations // http://www.cctr.ust.hk/materials/working_papers/WorkingPaper21_GuillaumeMoumouni.pdf
- (5) *Дейч Т.Л.* Маоизм – угроза Африке. – М.: Международные отношения, 1972.
- (6) Там же. – С. 3–4.
- (7) *George T.Yu.* Sino – Soviet Rivalry in Africa / Africa and International Communism. – Lnd: Basingstoke, 1980. – P. 169.
- (8) *Дейч Т.Л.* Указ. соч. – С. 9.
- (9) Чжунго тун Фэйчжоу хэ Алабо гоцзя гуаньси дэ усян юаньцэ. (Пять принципов построения отношений КНР со странами Африки и арабскими странами) // http://news.xinhuanet.com/ziliao/2003-02/19/content_735897.htm
- (10) Она представлена в сборнике, подготовленном Центром африканских исследований Пекинского университета по инициативе отдела международного сотрудничества и обмена министерства образования КНР. Чжунго юй Фэйчжоу гоцзя цзяюй хэцзо юй цзяолиу (Китайско-африканское сотрудничество и обмен в области образования) / Отв. ред. Хэ Жуэйтянь. – Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2005.
- (11) Чжунго юй Фэйчжоу гоцзя цзяюй хэцзо юй цзяолиу (Китайско-африканское сотрудничество и обмен в области образования) / Отв. ред. Хэ Жуэйтянь. – С. 1–2.
- (12) *Hevi E.J.* Op. cit.
- (13) <http://taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=162428&CtNode=124>
- (14) Э.Дж. Хэви сохранил этот настрой, который на его родине дополнился антитоталитаристическими взглядами по отношению к африканским лидерам, что и привело его к настоящему – настоящему политическому беженца, нашедшего приют в Нигерии // http://www.fee.org/the_freeman/detail/the-twilight-of-the-planners/#axzz2Kbse71vh
- (15) *Дейч Т.Л.* Межрасовые проблемы в афро-китайских отношениях // Гуманитарные аспекты международных отношений стран Африки. – М.: Ин-т Африки РАН. Центр глобальных и стратегических исследований, 1992. – С. 59.
- (16) Кроме свидетельств очевидца, Э.Дж. Хэви предлагает и свою оценку данной политики, особо подчеркивая ее губительное влияние на развитие сельского хозяйства страны, перед которой самым главным стоял вопрос продовольственного снабжения населения. *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 98.
- (17) *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 63.
- (18) Несмотря на заверения КНР, что на протяжении всей истории сотрудничества со странами Африки в области образования китайская сторона старалась предоставить условия, соответствующие привычной жизни африканцев. См. Чжунго юй Фэйчжоу гоцзя цзяюй хэцзо юй цзяолиу (Китайско-африканское сотрудничество и обмен в области образования) / Отв. ред. Хэ Жуэйтянь. – С. 19.

- (19) Один из случаев, запечатленных в воспоминаниях, – опыт измерения температуры кипящей воды с примесью химических элементов. Китайская аудитория, включая преподавателя, настаивала на измерении температуры при полном погружении градусника в кипящую воду, а в англоязычных учебниках, которыми пользовался студент из Ганы, было нарисовано в сходных условиях измерение температуры пара подогреваемой жидкости. Ответом учебного заведения стала молчаливая замена преподавателя (как указывает Хеви, впоследствии он ни разу не сталкивался с первым руководителем эксперимента) и объяснение, как и почему следует устанавливать термометр. *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 42–44.
- (20) *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 125.
- (21) *Ibid.* – P. 187.
- (22) Это подтверждается в преамбуле «Проекта временного руководства о функционировании высшей школы в КНР», разработанного в 1961 г. «Воспитание человеческих ресурсов по тем специальностям, которые являются необходимыми для построения социалистического общества», является одной из основных обязанностей высшей школы. См. «Проект временного руководства о функционировании высшей школы в КНР» // http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-03/04/content_2494713.htm
- (23) *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 40.
- (24) *Ibid.* P. 45–46.
- (25) «Проект временного руководства...». Разд. 1. Преамбула. Положение 1 // http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-03/04/content_2494713.htm
- (26) Там же. Разд. 2. Положение 10 // http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-03/04/content_2494713.htm
- (27) Там же. Разд. 8. Положение 46 // http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-03/04/content_2494713.htm
- (28) *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 29.
- (29) *Ibid.* – P. 37.
- (30) *Ibid.* – P. 45–46.
- (31) *Ibid.* – P. 23–24.
- (32) *Ibid.* – P. 24.
- (33) *Ibid.* – P. 80.
- (34) *Ibid.*
- (35) *Ibid.* – P. 78.
- (36) *Ibid.* – P. 78–79.
- (37) *Ibid.* – P. 79.
- (38) *Ibid.* – P. 98.
- (39) *Ibid.* – P. 114.
- (40) *Ibid.* – P. 80–81.
- (41) *Дейч Т.Л.* Маоизм – угроза Африке... – С. 3.
- (42) *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 34.
- (43) Если говорить об этом наборе причин, то мы всегда должны помнить: не все ее критерии касаются студентов-иностранцев в общем, есть специфические критерии, по которым возможность пребывания и учебы в Китае измеряли именно студенты африканцы.
- (44) *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 127.
- (45) *Ibid.* – P. 126–127.
- (46) *Ibid.* – P. 127.

- (47) Ibid. – P. 128.
(48) Ibid. – P. 129–130.
(49) Ibid. – P. 127.
(50) Ibid. – P. 131.
(51) По его подсчетам, на 5000 студентов было всего 26 общественных душевых, открытых ежедневно на пять часов (по 2,5 ч для студентов и студенток, соответственно). Таким образом в день китайский студент в душе мог провести около 72 с. Состояние этих душевых было таким, что большинство иностранцев отказывались от привычного распорядка гигиены и отправлялись в ваннные комнаты дипломатических представительств своих стран. См.: *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 48–49.
(52) *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 50.
(53) Ibid. – P. 206.
(54) Не оставляет без внимания Э.Дж. Хеви и проблему «китайской угрозы». Прежде всего она, по его мнению, проистекает из громадной массы населения КНР. И в случае следования Китая по выбранному пути эта масса может стать угрожающей для мира и безопасности других стран. Потому что при всем негативном влиянии социалистического строя на жизнь простых людей он сделал то, что без преувеличения можно назвать импульсом для всего китайского народа – пробудил у китайцев стремление к самостоятельному изготовлению или копированию всего, имеющегося в мире (do-it-yourself). См.: *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 101.
(55) *Hevi E.J.* Op. cit. – P. 139.
(56) Чжунго юй Фэйчжоу гоцзя цзяюй хэцзо юй цзяолиу (Китайско – африканское сотрудничество и обмен в области образования) / Отв. ред. Хэ Жуэйтянь. – С. 15–16.

**CHINESE-AFRICAN EDUCATIONAL ISSUES,
THE FIRST HALF OF 1960S
(BASED ON THE «AFRICAN STUDENT IN CHINA» DIARY)**

A. Mineeva

World History Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article analyses the notes of the «African Student in China» using it as a source of data on Chinese-African cooperation in the field of education in the first half of the 1960s. The article contains a review of the main issues outlined by the author: the structure of the Chinese higher education system; the living standards of the students (both foreigners and natives); mutual perceptions; personal opinions of the foreigners on the «Great Leap Forward» policy. The article also provides for some statistics on the number of African students in PRC. Based on that data the conclusion is made, describing the readiness of the parties for cooperation in the named field in the beginning of the 60s.

Key words: Chinese – African cooperation in the field of education, Hevi E.J., Ghana, Beijing University, Maoism, PRC education system, foreign students in China.